

Жарылгапов Жансая Жангазиевич

РОМАНТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ М. АУЭЗОВА

В статье раскрываются проблемы создания романтических образов в ранних рассказах известного казахского писателя М. Ауэзова. Автор акцентирует внимание на характерных особенностях проявления романтического в изображении главного героя, прослеживает типологические взаимосвязи казахской романтической прозы М. Ауэзова с западно-европейским и русским романтизмом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 32-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Бондарко В. В.** Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
2. **Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис.** Новосибирск: Наука, 1995. 336 с.
3. **Ефремов Н. Н.** Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. М.: Наука, 1984. 88 с.
4. **Ефремов Н. Н.** Фоновые таксисные конструкции (на материале якутского языка) // Современная филология: теория и практика: материалы VI международной научно-практической конференции. М.: Спецкнига, 2011. С. 111-115.
5. **Храковский В. С.** Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32-54.

VALENT TAXIS CONSTRUCTIONS (BY THE YAKUT LANGUAGE MATERIAL)

Nikolai Nikolaevich Efremov, Doctor in Philology, Associate Professor
Sector of the Yakut Language Grammar and Dialectology
Institute of Classical Researches and North Smaller Peoples' Problems
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
nik.efrem50@mail.ru

The author considers one of the varieties of taxis constructions - valent structures with taxis meaning. They are realized in poly-predicative constructions with additional meaning. In such constructions, in contrast to other taxis structures, the relations of simultaneousness and precedence are expressed, which can be complicated with additional senses.

Key words and phrases: taxis; poly-predicative construction; valency; simultaneousness; precedence; synthetic type.

УДК [82.02:82-3]:821.512.122

В статье раскрываются проблемы создания романтических образов в ранних рассказах известного казахского писателя М. Ауэзова. Автор акцентирует внимание на характерных особенностях проявления романтического в изображении главного героя, прослеживает типологические взаимосвязи казахской романтической прозы М. Ауэзова с западно-европейским и русским романтизмом.

Ключевые слова и фразы: европейская традиция; романтический метод; сентиментализм; романтический пафос; эстетика и философия романтизма.

Жансаия Жангазиевич Жарылгапов, д. филол. н.

Кафедра казахской литературы

Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, Казахстан

Zharylgapov zhan@mail.ru

РОМАНТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ М. АУЭЗОВА[©]

Большинство ранних рассказов М. Ауэзова отождествляется с духом и формой романтизма. Романтизм М. Ауэзова пронизан иронией, свойственной лишь казахскому менталитету, но схожей с европейской традицией, которой характерны пассивность, слабость, эмоциональность, тьма, пустота, бесформенность. В рассказах казахского писателя эти ряды рассматриваются не только как виды литературно-эстетических явлений романтизма, но и как основа становления М. Ауэзова - реалиста. Герой-романтик неудовлетворен будничной, серой жизнью, окружающей каждого из нас, т.к. эта жизнь скучна, полна несправедливости, безобразна. Ничего в ней нет необыкновенного, героического. И тогда автор создает свой мир, цветной, красивый, пронизанный солнцем и запахом моря, населенный сильными, благородными, красивыми людьми. В этом мире торжествует справедливость, и судьба человека - в его собственных руках. Надо только верить и бороться за свою мечту.

Героя романтических произведений может привлекать нечто экзотическое со своими обычаями, образом жизни, понятиями чести и долга. Вот такой изобличающий пафос, романтическое невосприятие окружающей действительности встречается в рассказе «Пробужденная страсть». Герой произведения - Сыздык - является сентиментально-ироническим персонажем, который постоянно сравнивает повседневную жизнь со своими неосуществленными грезами и фантазиями. Даже женитьба для него - это романтика. Ему не нужна неписанная красавица, лишь бы была доброй, хоть и бедной простушкой. Для него любовь не представляет особого интереса. Жизнь в традиционном понятии Сыздыка представляла собой совершенно специфическую зону бытия, в которой сконцентрировались его фантастические измерения. Охота тоже не вызывает у него никакого интереса. Иными словами, само по себе понятие «жизнь» у Сыздыка вызывает в комплексе человеческих традиций представление повседневной функции в сознании из хаотических потенциалов стройного порядкаобразного мира, и одновременно это есть субъективный полюс фантазии. Ударом по его фантазиям послужила женитьба на Жамиле. «Раньше в своих грезах он создавал ее в образе стройной как лань, красивой как лебедь девушки. А теперь? Вместо всего этого он получает в жены совсем другую, неопрятную Жамилю» [1, с. 219-220].

Сама эпоха требовала создания произведений, полных романтического пафоса, реалистически отображающих правду жизни, действенных в формировании сознания, мировоззрения народа. В данном произведении

М. Ауэзов придерживается нейтральной авторской позиции, но вместе с тем усиливается субъективность литературного героя. Автор стремится все свои внутренние чувства и психологические состояния передать через образ главного героя.

Со временем ярче и привлекательнее изображались герои-романтики. Образы нового человека обрисовывались яркими деталями его облика, внутреннего мира, поступков. Все это автор передает со свойственной ему иронией. Например, Т. Журтбай, анализируя образ Сыздыка, пишет: «В «Пробужденной страсти» автор, используя историю «любви своего друга» Халиля (прототип Сыздыка), вкладывает в героя произведения все свои внутренние переживания, тем самым олицетворяя своего персонажа» [5, с. 299]. Образ Сыздыка созвучен с первоначальными этапами жизни романтического героя Байрона Чайлда Гарольда. Молодой аристократ, всю жизнь проживший в веселье, вечных грезах и фантазиях, в конце концов устает от окружающей его среды. Когда все его мечты рушатся, он полностью отделяется от английской элиты. По своей сути Сыздык также похож на Печорина из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, который осознает грань между окружающей действительностью и миром фантазий и чувствует себя лишним в этой действительности.

Личность характеризуется уровнем осознанности своих отношений и их устойчивостью. В личности существенна не только ее позиция, но и способность к реализации отношений. Это зависит от уровня развития творческих возможностей человека, его способностей, знаний и умений, его эмоционально-волевых и интеллектуальных качеств.

Сыздык - пассивный персонаж, пассивная личность. Проявление личности начинается с отрицания действительности и отчуждения от этого мира. Это некоторая антитеза. Если фантазия - это свет, то действительность - это отсутствие света, т.е. тьма, если грезы - прямое движение, то действительный мир - кривое и т.д. Любое отрицание некоего порядкообразующего комплекса является следом воздействия реализма на различные пласты действительности. Прием антитезы - резкого противопоставления двух уровней жизни - действительного и выдуманного - проходит через весь рассказ, высвечивая психологию центрального героя, его беспросветную судьбу. В душе героя происходит конфликт. Он начинает задумываться: «Может быть, я ошибся? Сколько лет мечтать о счастье, а в конце концов жениться на такой девушке, при виде которой душу скребут кошки» [1, с. 223]. М. Ауэзов наряду с сюжетом произведения, также с особой иронией характеризует своего персонажа.

Главный герой рассказа «Пробужденная страсть» - Сыздык - не лишен элементов сентиментализма. Сентиментализм сам является одним из предыстоек романтизма. Одной из причин крушения чувств и фантазии Сыздыка является его обманчивое чувство к Жамиле, Она оказалась не той, о которой он мечтал и грезил, но это по сути не является проявлением сентиментализма в чистом виде. Здесь мы не замечаем какой-нибудь жалости со стороны автора, так как он придерживается нейтральной позиции. Чувство героя зависит от романтической иронии. В произведении также присутствуют признаки «экзотической страсти». Автор с особой иронией описывает влюбленность Сыздыка в Екатерину Ласовскую.

Как отметил сам М. Ауэзов: «Европейцы создали романтический образ Чайлда Гарольда и Печорина, на которых стремилась быть похожей европейская и русская молодежь. А в казахском устном народном творчестве также встречаются такие персонажи, которые являются примером для подражания. Разве образ Акана Серэ создала письменная литература? Еще нет. Тогда в чем же разница между Биржаном, который стремится быть похожим на этого «символа» балагурства и знатока большинства образцов устного народного творчества - Акана, и Сару, ни в чем не уступающим вышеуказанным Гарольдам и Печоринам» [2, с. 86].

В рассказах М. Ауэзова 1920-х годов эстетика и философия романтизма играют важную роль в становлении эстетических взглядов и художественной концепции. Автор в своей творческой практике пробует использовать разные приемы романтического метода. Хотя он придерживается реалистических позиций, тем не менее ему не чуждо использование эстетических компонентов различных методов и течений. Как справедливо заметил З. Ахметов в своей работе «Поэтика рассказов Мухтара Ауэзова»: «В ходе глубокого анализа художественного метода реализма мы замечаем, что в творчестве писателя также преобладают элементы символики и романтизма» [4, с. 377]. Проблема состоит только в выяснении, в какой степени они приоритетны.

Романтизм хоть и в весьма опосредованной, растворенной форме, но также отражает властные смыслы действительной дифференциации героя. С этой точки зрения произведение «Рассказы холмов» М. Ауэзова мало изучено и рассмотрено. Тема кочевников и романтика степей, которые раскрываются в данном произведении, являются неотъемлемой частью его творчества. С особым пафосом М. Ауэзов характеризует своеобразную красоту бескрайней степи, быт степных казахов. В этом рассказе писатель-романтик использует иной прием описания. Здесь автор создает образ вымышленного героя. Событие повествуется со стороны рассказчика, и резко усиливается субъективный аспект повествования. Повествователем в рассказе «У могилы Сыбана» является Жортар аксакал, а в «У подножья Текши» - Сулеймен. Сюжетное время в рассказах своеобразно. Наряду со временем автора важную роль играет и время рассказчика. Пространство усваивается в двух временных измерениях. Растяженность во времени автора и повествователя является одной из отличительных черт метода романтизма. Обращение к прошлому, даже его идеализация рождает в произведении романтический мотив. Для писателей-романтиков важным является «образ времени». Когда писатели-реалисты усваивают пространство во временных формах, то они сохраняют «связь времен» по историко-социальным признакам, а романтики могут растянуть или слишком сжать временные измерения.

В произведениях М. Ауэзова, как и в «Старухе Изергиль», «Песне о буреви́стике», «Макаре Чудре» М. Горького, широко представлены элементы устного фольклора: легенда, сказка, жыр и т.д. Прежде чем представить монолог героя, автор создает романтическую ситуацию, рисуя картину природы. Например: «Последние лучи заходящего солнца залили степь золотисто-багровым светом, и от этого вечерний аул кажется особенно живописным и оживленным. Чем выше мы поднимаемся на холм, тем шире развевает-

ся перед нашим взором величавая картина вечерней степи. Чистый, прозрачный воздух, ощущение необъятного простора рождают в душе смутные надежды, заставляют думать, пробуждают мысли» [3, с. 95]. Используя красивый пейзаж, автор как-бы завораживает читателя, зовет его окунуться в мир прекрасного, забыть повседневную суету.

В казахской литературе Мухтар Ауэзов останется выдающимся, великим писателем-классиком, сумевшим в своих произведениях богатым, колоритным языком отразить тончайшие переживания человеческой души, чувственный мир человека, широкую палитру его эмоций. Все это передается через образ Жортара из рассказа «У могилы Сыбана». Автор со свойственным ему романтическим пафосом характеризует своего героя: «В молодости Жортар был батыром, его знала вся казахская степь. Людей охватывала дрожь при одном упоминании его имени. Ни одна барымта, ни одно побоище не обходилось без него. Он был и храбрый, и умелый воин, искусно владевший копьем. Увидев его уже стариком, я попытался представить, каким же он был в пору своей далекой молодости» [Там же, с. 95-96].

Рассказы Ауэзова являются свидетельством неиссякаемой талантливости великого казахского прозаика. Невозможно в одной лишь статье осветить его роль в становлении романтизма в казахской литературе.

Рассматривая романтизм М. Ауэзова, можно прийти к выводу, что особенность всякого произведения литературы состоит в том, что оно не умирает вместе со своим создателем и эпохой, а продолжает жить и позднее, причем в процессе этой жизни закономерно вступает в новые отношения с историей. И эти отношения могут осветить произведение для современников новым светом, могут обогатить его новыми, не замеченными прежде смысловыми гранями, извлечь из его глубины на поверхность важные, но еще не сознававшиеся прежними поколениями, моменты психологического и нравственного содержания.

Список литературы

1. Ауэзов М. Собрание сочинений: в 50-ти т. Алматы: Гылым, 1998. Т. 2. 432 с.
2. Ауэзов М. Современная эпоха казахской литературы // Ауэзов М. Собрание сочинений: в 50-ти т. Алматы: Гылым, 1998. Т. 2. 432 с.
3. Ауэзов М. У могилы Сыбана / пер. М. Хамраева и Ф. Моргуну // Ауэзов М. Крутизна. М.: Советский писатель, 1965. С. 95-96.
4. Ахметов З. Поэтика рассказов Мухтара Ауэзова // Ауэзов М. Собрание сочинений: в 50-ти т. Алматы: Гылым, 1998. Т. 2. С. 377-383.
5. Журтбаев Т. Колыбель: роман-эссе. Алматы: Жазушы, 1997. 560 с.

ROMANTIC IMAGES IN M. AUEZOV'S STORIES

Zhansaya Zhangazievich Zharylgapov, Doctor in Philology
Department of Kazakh Literature
Karaganda State University named after E. A. Buketov, Kazakhstan
Zharylgapov_zhan@mail.ru

The author reveals romantic images creation problems in the early stories of the famous Kazakh writer M. Auezov, pays special attention to the characteristic peculiarities of romantic manifestation in a main hero portrayal, and traces the typological interconnections of M. Auezov's Kazakh romantic prose with West-European and Russian romanticism.

Key words and phrases: European tradition; romantic method; sentimentalism; romantic pathos; romanticism aesthetics and philosophy.

УДК 800

В статье рассматриваются паремии семантического поля «спиртные напитки» как проявление обыденного сознания. Исследуется специфика данного семантического поля в русской и английской лингвокультурах. Автор делает акцент на том, что паремии, будучи отражением ценностей лингвокультурной общности, являются важной составляющей частью повседневности.

Ключевые слова и фразы: паремии; обыденное сознание; повседневность; семантическое поле; лингвокультурная специфика; оценка; ценности.

Наталья Александровна Козько, к. филол. н., доцент
Кафедра английской филологии и перевода
Магнитогорский государственный университет
kozko_natalia@mail.ru

ПАРЕМИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ[©]

Антропологизация научной парадигмы в лингвистике проявляется, прежде всего, в переносе акцентов на рядового человека, его обыденное сознание и повседневные практики. Одним из наиболее ярких проявлений обыденного сознания в речи отдельного индивида, по мнению многих лингвистов, являются паремии.